

Р.А. Смирнова

***Концепция устойчивого развития села:
в поисках новой парадигмы***

***The concept of sustainable development of rural areas:
in search of a new paradigm***

Keywords: *sustainable rural development, Belarus*

Беларусь осуществила в процессе аграрной реформы рационализацию сельхозпроизводства за счет его модернизации и интенсификации. Это позволило не только увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции и расширить ее ассортимент, повысить производительность труда и эффективность в целом, но и экономнее расходовать отдельные ресурсы производства, в том числе наиболее важные из них – земельный, предназначенный для сельскохозяйственного использования, и человеческий. В то же время переход на рыночные отношения, использование в производстве сельскохозяйственной продукции все более мощных тракторов, специальных машин и сложного сельскохозяйственного оборудования, новейших технологических приемов, включающих орошение и химизацию, ускорило изменения в состоянии и расстановке ценных человеческих и природных ресурсов. Усилилось негативное воздействие общества на окружающую природную среду.

Заметным последствием экономического переустройства, технического и технологического перевооружения АПК стало уменьшение числа людских ресурсов и сельских поселений. Это связано, в первую очередь, с механизацией и электрификацией производственных процессов, заменой машинами живого труда, ростом производительности и сокращением рабочих в сельском хозяйстве. В связи с урбанизацией и растущим переходом людей из сельской местности в города, сельские территории становятся все более безлюдными. В результате не только меняется образ жизни большей части населения, но и сами территории остаются без соответствующего «присмотра», что ведет к их запустению, к «деколонизации» ранее освоенных пространств. Такая тенденция характерна не только для Беларуси, но и для других стран, располагающих значительными земельными угодьями.

Перед Беларусью, как и перед всем человечеством встала проблема, как найти «золотую середину», при которой земли различного предназначения, леса, водные и земельные пространства использовались рационально и эффективно, чтобы занятость населения и его благосостояние в любом регионе отвечали требованиям, предъявляемым к качеству жизни.

Указанные выше опасные процессы, происходящего в глобальном масштабе, обусловили необходимость разработки политических, экономических и правовых решений для ослабления или смягчения негативного действия этих факторов и повышения устойчивости развития мирового сообщества. Первоначальный смысл «устойчивого развития» был сформулирован Международной комиссией по окружающей среде и развитию ООН, как «способность удовлетворять потребности ныне живущих без ущерба для возможности будущих поколений также удовлетворять свои потребности». Подобный подход позднее был закреплен в ряде международных документов, в т.ч. решениями Конференции ООН по экологии и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро.

Что касается устойчивого развития сельского хозяйства, то оно определялось на сессии ФАО в Риме в 1996 г. следующим образом: «Главной задачей Программы устойчивого сельского хозяйства и сельского развития является повышение уровня производства продуктов питания устойчивым способом и обеспечение продовольственной безопасности. Для решения этой задачи необходимо поддерживать образовательные инициативы, использование экономических инноваций и развитие приемлемых новых технологий, обеспечивая таким образом стабильный доступ к продуктам питания, соответствующим потребности человека в питательных элементах; доступ к ним для бедных групп; развитие товарного производства; сокращение безработицы и повышение уровня доходов в целях борьбы с бедностью; управление природными ресурсами и защиту окружающей среды».

Таким образом, основные задачи стратегии устойчивого развития села состоят в повышении благосостояния сельчан и их увеличении вклада в экономическое, социальное и экологическое благосостояние страны. Важнейшими компонентами этой стратегии является:

1. обеспечение экономического роста в сельском хозяйстве путем:
 - реформирования экономической политики;
 - развития системы услуг для хозяйств с различными формами собственности (прежде всего, информационных услуг);
 - развития перерабатывающих отраслей, маркетинговых организаций и др.;
2. развитие несельскохозяйственного сектора в сельской местности, включая:
 - развитие сельской инфраструктуры не только силами государства, но и частных подрядчиков и местного населения в партнерстве с местными органами власти;
 - совершенствование сельских финансов путем: (1) преодоления причин, по которым частные финансовые посредники не кредитуют

село, (2) создания новых организаций по предоставлению финансовых услуг;

– усиление «сельской направленности» национальных программ образования, здравоохранения и прочих социальных услуг;

3. увеличение благосостояния и улучшение качества жизни сельчан путем:

- поддержки районов; решения проблем занятости;
- усиления жизнеспособности объектов социальной сферы, обслуживающих сельское население,
- поддержка местных инициатив и местных органов власти, развитие местного самоуправления.

Реализация указанных мер предполагает использование трудовых ресурсов, высвобождаемых из аграрного производства, в сфере услуг, в том числе в развитии социальной и инженерной инфраструктуры села, в улучшении бытовых условий сельских тружеников. Эти меры должны быть направлены на целевую социальную поддержку сельского населения, регулирование миграционных процессов, поддержку некоторых видов сельскохозяйственного производства повышенной трудоемкости (например, стимулирование производства экологически безопасной продукции).

Задача эта чрезвычайно трудная. Во многом трудности обусловлены широко распространенной парадигмой ведомственной логики, слишком прямолинейно увязывающей причины и следствия происходящих процессов, принятие решений и их реализацию. Так, в 70-80х годах социально-политическими решениями было предпринято строительство в каждом колхозе клуба, школы, детского сада и др. объектов социальной сферы. Однако оказалось, что то, что было востребовано в 50-60е годы, стало неактуальным в 80-90х гг. Многие колхозы пошли по пути укрупнения, молодёжь начала мигрировать в города, что соответственно, привело к снижению рождаемости в деревне. В результате огромные здания школ опустели, в клубах остались лишь библиотеки, а некоторые

вообще закрылись, детские сады также стали свёртывать свою деятельность. Прямолинейная логика управленцев: «чем больше строить объектов социальной сферы, тем лучше сельчанам» не срабатывала. Эта же история повторяется и в настоящее время: в некоторых областях страны, построенные в агрогородках коттеджи пустуют. Оказалось, что молодым специалистам не так важен коттедж на селе и даже неплохая зарплата, как реализация личностных планов: значительная часть выпускников аграрных учебных заведений имеют планы, не связанные с аграрным производством. Повторяемость управленческих ошибок свидетельствует, что среди тех, кто принимает решения, сохраняется установка к переустройству на основе сугубо экономических реформ, опирающаяся на принципы жесткого детерминизма. Сознательные, ментальные изменения последуют, согласно данной установке, автоматически за экономическими преобразованиями. Однако совершенно очевидно, что одна и та же экономическая ситуация в разные периоды и у различных социальных групп порождает разные социальные последствия и жизненные стратегии людей.

Всё это говорит о том, что парадигма жёсткой рациональности и детерминизма не всегда срабатывает в сфере экономической и социальной политики на селе. Это наблюдается не только в Беларуси, но и в других развитых странах. Так, несмотря на рациональный, просчитанный подход, осуществляемый в агросфере развитых стран, оказались непредвиденными некоторые его последствия. Уже сейчас, в начале XXI века, во многих странах ощущается разочарование выбранным курсом национального агропроизводства. В Европейском союзе наблюдаются кризисные явления: дорожает производство сельхозпродукции, увеличиваются государственные субсидии, производство становится невыгодным; увеличивается безработица среди фермеров, рыбаков и др. работников агросферы, учащаются забастовки, протестные движения. Качественный продукт стало выращивать невыгодно: ТНК монополизировали рынок

сельхозпродукции и товаров, изготовленных из нее, сконцентрировавшись на удешевлении и, соответственно, ухудшении их качества.

На наш взгляд, одной из причин кризисных явлений в агросфере развитых стран, являются, во-первых, самонадеянная уверенность в правильности раз и навсегда выбранного курса аграрной политики, основанная на успехах в прошлом, и, во-вторых, жестко-детерминационная экстраполяция его на настоящее и будущее. Линейное, детерминистское видение процессов развития в различных сферах социума, в частности в агросфере, привело аграрных политиков, а также правительства этих стран, в тупик, сопровождающийся растерянностью и действиями по «залатыванию дыр».

Как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт реформирования аграрной экономики, при реализации стратегии развития следует учитывать многочисленные социальные тенденции, предшествующие любой реорганизации. В Беларуси к ним относятся целый спектр состояний и тенденций, среди которых можно назвать следующие:

- макроэкономические изменения, включающие возможность ухудшения конъюнктуры мировых цен на товары экспорта, сокращения реальных доходов населения и снижение спроса на продукцию АПК;

- институциональные тенденции, заключающиеся в высоком уровне монополизации рынков покупателей продукции и поставщиков услуг для сельхозпроизводителей, что вызывает неоправданный рост цен на материально-технические ресурсы и услуги для сельскохозяйственных производителей, а также существенно ограничивает доходность и инвестиционную привлекательность сельского хозяйства;

- социально-структурные изменения, возникающие как результат усиления непривлекательности сельской местности, оторванности и

обособленности населенных пунктов, увеличении разрыва между уровнем жизни городских и сельских жителей;

- ментальные процессы, характеризующиеся несоответствием сознания и поведения крестьян рыночным реалиям в АПК;

- техногенные, экологические и природно-климатические тенденции, связанные с вероятностью масштабных катастроф и непредвиденными дополнительными расходами ресурсов от возможных потерь, ликвидация которых требует отвлечения средств и всех отраслей народного хозяйства, в том числе из аграрного сектора экономики;

- тенденции, связанные с несовершенством законодательной базы по регулированию сельскохозяйственной деятельности и отсутствием достаточной практики реализации рыночных отношений, что лишает возможности сельскохозяйственным товаропроизводителям привлекать финансовые ресурсы на реальных рыночных условиях;

- социально-политические проблемы, возникающие из-за принятия политико-управленческих решений, недостаточно учитывающих основные тенденции в социуме (макроэкономических, институциональных, социально-структурных, ментальных, техногенных, политико-правовых и др.), в конечном счете определяющие вектор изменений в АПК.

Учет сложного переплетения состояний, связей и тенденций в социуме требует нового способа объяснения и планирования инноваций в аграрной сфере. В основу анализа социальной базы устойчивого развития села нами положены три основных методологических подхода: 1) социально-территориальной, 2) культурно-исторической обусловленности сознания и поведения людей, а также 3) развития как результата социальных изменений и контингентного сдвига.

Принцип социально-территориальной обусловленности сознания и поведения аграриев выражается в том, что сельские жители как

объект социологического изучения специфичны не в том смысле, что они обладают какими-то таинственными свойствами («таинственный незнакомец» по Т. Шанину), особыми потребностями, отличными от горожан, а в том, что сам факт проживания в сельской местности предоставляет им неодинаковые возможности для удовлетворения этих потребностей и, соответственно, определяет своеобразие экономического поведения и образа жизни сельчан.

Это различие возможностей и способностей удовлетворения потребностей обусловлено по меньшей мере тремя факторами: особым характером социального взаимодействия между людьми в целях использования сельскохозяйственных природных ресурсов; производственной деятельностью, обусловленной территорией и сельским ландшафтом; а также поведением, опосредованным рефлексией человека по отношению к сельской местности и сельскому образу жизни.

Именно различие возможностей получения средств для удовлетворения потребностей определяет специфику базовых жизненных стратегий: экономическое поведение, сельский труд, образ жизни, культуру, политическое сознание, отношение к традициям, адаптационные стратегии. В этом смысле можно сказать, что базовые стратегии поведения сельчан определяются нормативными системами, складывающимися в действиях по использованию природных ресурсов, в условиях крестьянского образа жизни и среды, а также в результате осмысления своего бытия в ней. При этом в условиях крестьянской социально-культурной среды данные нормативные системы закрепляются и воспроизводятся в процессе дальнейшей социализации. В основе базовых стратегий поведения сельчан лежит прежде всего экономическое поведение в целом, жизнь в крестьянском сообществе (общине).

Вторая идея, основанная на теории социальных изменений и контингентного сдвига, предполагает рассматривать устойчивое развитие не только как однозначную предопределенность развития заранее выбранным курсом, а во взаимодействии и случайном взаимовлиянии уникальных ситуаций, характерных именно для Беларуси, проявляющихся в синергетическом эффекте, порождающем новые ситуации и тенденции. В отличие от парадигмы жёстко детерминационного видения социальных процессов в основу представленной нами концепции инновационно-устойчивого развития села положена теория развития как совокупности контингентных (исторически и культурно уникальных, ситуативных) трансформаций. Авторы этой модели развития (Р. Нисбет, К. Поппер, Р. Будон, П. Штомпка и др.), критикуя концепции прогресса, эволюции, развития, в качестве альтернативы предложили теорию общественных изменений, концептуализирующую эмпирически фиксируемые тенденции в различных сферах общественной жизни. Совокупность тенденций, по их мнению, образует единое движение – трансформацию общества, при этом отдельные тенденции рассматриваются как взаимнообуславливающие или как автономные, не связанные причинно-следственно друг с другом. Не отказываясь от теорий общественного развития, раскрывающих универсальные, перманентные и однозначно направленные трансформации общества, мы предлагаем в представленной концепции инновационно-устойчивого развития села учитывать специфический набор тенденций, возникающих в сельском сообществе и агропроизводстве, способных спровоцировать контингентный сдвиг, то есть такую совокупность событий, радикально и катастрофически быстро меняющих привычные структуры общественной жизни, которые превращают ранее периферийные сферы и вяло текущие тенденции в ключевые.

Понятие контингентности несет в себе два смысла: 1) контингентность как ситуативность, обусловленность специфическими обстоятельствами, и 2) как возможность иного хода событий. Период контингентного сдвига характеризуется «переломным» изменением трендов основных параметров: от медленного роста к остановке и даже снижению и далее бурному росту. В этом смысле концепция инновационно-устойчивого развития села предстает как категориальное осмысление соотношения поступательного развития и «разрывов», вызванных контингентным сдвигом, где превращение вялотекущих тенденций в интенсивные является моментом разрыва.

В качестве примера можно проследить развитие агросферы в Беларуси: в период социально-политических событий 90-х годов развитие АПК сохраняло по инерции устойчивый характер, однако последующие пять – семь лет наблюдалось снижение темпов экономического роста, безработица и падение объемов производства. Становление нового экономического уклада на селе (и в стране в целом) создало общественные проблемы, перманентно вызывающие социальные конфликты. За этим кризисным этапом происходит «рождение» новой тенденции модернизации, характеризующейся сначала вялым экономическим ростом (1995–1996 гг.), затем скачкообразным ростом (1998–2009 гг.).

Каким образом происходят социальные изменения, иногда незапланированные и не всегда желанные, и какие тенденции они порождают, можно продемонстрировать на примере влияния колебаний роли заработной платы с основного места работы респондентов в семейном доходе на их социальные связи, экономическое поведение и образ жизни в целом. Как правило объективной основой таких колебаний является экономическая политика государства. Как показал анализ данных позитивные тенденции в росте заработной платы аграриев во многом обусловлены редистрибутивной политикой государства, которая

однако может привести не только к улучшению материального благосостояния и социального самочувствия, но и к изменениям, способным спровоцировать контингентный сдвиг в образе жизни сельчан. Анализируемый в данной статье пример характеризуется, так называемой, двойной контингентностью. Во-первых, эта контингентность, обусловленная специфическими обстоятельствами и не следующая из прямых причинно-следственных связей событий и процессов. Так, согласно статистике, реальные доходы с 1996 года росли по экспоненте к 1990 г. (1996 г. – 58,6%), 1998 г. – 79%, 2000 г. – 95,0%, 2002 г. – 132,8%, 2004 г. – 160,8%, 2006 г. – 210,6%, 2008 г. – 266,5% и только в 2009 г. – несколько замедленный рост – 276,1%), однако восприятие роста денежных доходов развивалось по своим трендам, зависящим от иных, специфических особенностей социальной жизни сельчан. Так, восприятие респондентами уровня заработной платы колебалось следующим образом: высокий до 2000 г., спад – в 2001–2003 гг., резкий рост – 2004–2006 гг., небольшой спад в 2007–2008 гг. и с 2009 – опять рост. Данные колебания породили второй контингентный сдвиг, приведший к иному ходу событий, резким изменениям как в экономическом поведении в целом, так и трудовых усилиях в ЛПХ, в социальных и межсемейных связях. В частности, это выразилось в следующей зависимости: чем ниже восприятие роли заработной платы в семейном бюджете респондента, тем теснее его связи с родственниками, тем выше степень их взаимопомощи друг другу; чем ниже оценивали респонденты роль зарплаты в семейных доходах, тем большую роль в них играли доходы с ЛПХ, и соответственно, больше времени и усилий затрачивали респонденты на его поддержание. Так почти половина (43,3%) сельских жителей в 2000 году опирались в решении материальных проблем на продукцию со своего приусадебного участка, а вот в 2004 – 2006 гг., характеризующихся, по их мнению, подъемом уровня заработной платы, доходы с приусадебного участка уменьшились уже только у 16%

респондентов. Восприятие как кратковременного и небольшого спада уровня реальной заработной платы на основном месте работы аграриев в 2007–2008 гг. опять привело к увеличению роли доходов с ЛПХ: они повысились у 28% респондентов. В 2009 году произошло повышение значимости зарплаты и сразу же резко упала опора на продукцию ЛПХ, соответственно, снизились трудовые и временные затраты семьи; произошел спад в развитии ЛПХ и их роли в решении продовольственной безопасности страны. Как видно из этого примера, социальная политика, направленная на рост заработной платы с основного места работы, повлекла не только позитивные перемены, но и спровоцировала контингентный сдвиг в экономическом поведении сельчан, поскольку отказ от ведения личных подсобных хозяйств мы рассматриваем как путь к окончательному отчуждению сельского населения от крестьянского образа жизни.

Изменения в сознании аграриев также можно объяснить в терминах теории социальных изменений и контингентного сдвига. Однако их темпы и периодизация не соответствует объективным трансформациям и характеризуется определенным запаздыванием и медлительностью. В частности, несмотря на влияние перемен в экономическом укладе, тенденции в сознании крестьянства, связанные с рыночными процессами, пока развиваются медленно и не приводят к контингентному сдвигу. Напротив, в России, где крестьяне оказались объектом шоковой терапии, наступивший период контингентного взрыва затянулся настолько, что не только не вызвал экономический подъём в агросфере, но и не привел к формированию новой социальной структуры сельского сообщества, способной изменить ситуацию, что стало угрозой для всего человеческого потенциала российской деревни. Ситуации в Беларуси и России, обусловленные собственными уникальными тенденциями в социуме и в агросфере, в частности, создают специфическое противостояние нового и прошлого состояний, порождающее, в свою

очередь, новые тенденции, требующие иной парадигмы мышления, поведения и управленческих действий в агросфере.

И третий, методологический подход, существенно меняющий парадигму исследования процессов, связанных с устойчивым развитием села, – культурно-исторический, проливает свет на причину сложностей адаптации сельчан к рыночным отношениям на селе, дисбаланса между их сознанием и поведением. Возьмем, к примеру, отношение к собственности и, в частности, собственности на землю. Если анализировать данные опросов, то с точки зрения методологии рыночного экономического рационализма (социальная инновация АПК), крестьянин должен до пота работать в общественном производстве (СПК, ЧУП и др.), затем так же – на своем личном подсобном хозяйстве, стремиться больше заработать (подработать) на стороне, а также, продавая продукцию с ЛПХ на рынке, пополнять и накапливать богатство для материального благополучия семьи и детей (внуков). Картина – соответствующая типичным описаниям крестьянина западного образца.

Однако современное отношение белорусских крестьян к собственности и труду настолько связано с их историческим прошлым, что, несмотря на двадцать лет переучивания, результаты в менталитете сельского населения существенно не изменились. Во все периоды существования белорусского крестьянства использование собственности в целях накопления, обогащения, эксплуатации неимущих осуждалось крестьянами. Проведенные социологические опросы (2007 г., 2009 г.) показали, что для крестьян собственность – не капитал, приносящий доход или прибыль, а средство пропитания и помощи детям. В русском языке есть понятие, которого нет у других, – «достаток», т.е. то количество материальных средств, которых хватает на то, чтобы жить. По данным опроса около трети респондентов понимают под достатком в доме хорошее питание, большую дружную семью, наличие хозяйства и немногим более трети – деньги, богатство. При том, на первом месте стоит позиция

«дружная семья» (52,7%), на втором – «хорошее питание» (37,6%), на третьем – деньги (36,5%) и на четвертом – наличие хозяйства (22,5%). В целом можно сказать, что в массовом сознании сельских жителей традиционно частная собственность ассоциируется, главным образом, с личным имуществом: домом, хозяйством, машиной и т.п. При этом имеется в виду, что эта частная собственность нажита личным трудом, поэтому в глазах респондентов она легитимна.

В результате можно сделать вывод, что учет и использование в исследовании крестьянской жизни этих трех методологических принципов позволит показать, что импульс инновационным переменам в агросфере и сельском сообществе зачастую дают не только факторы, инициированные управленческими решениями в АПК, но и вызванные всем прошлым и настоящим опытом хозяйствования на земле, сознательным или неосознанным участием в инновационном процессе различных участников, субъектов деятельности: разных групп сельского сообщества, молодежи, частных предпринимателей, фермеров, директорского корпуса АПК и др. Встреча и выстраивание отношений между ними, жизнь в новых условиях, самодеятельность и самоорганизация связей в сельском сообществе существенно влияют на характер и темпы устойчивого развития села. В этом смысле устойчивое развитие села предстает как симбиоз уникальных состояний, процессов, явлений: 1) существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов, 2) реализующихся либо спонтанно, либо в определенной последовательности и 3) направленных на восстановление нарушенного равновесия между сознанием людей и необходимостью действовать им в новых условиях.

Методология исследования развития села включает также несколько других направлений: социологические подходы к модернизации, социологию села и крестьянского образа жизни, социологические аспекты социального пространства, социологию

адаптаций, социологию регионального развития и др. Все они способствуют рассмотрению реформирования белорусского села с акцентированием существующих в белорусском обществе специфических обстоятельств и условий, с учетом нормативно-ценностного комплекса и менталитета, возможностей и степени адаптированности сельского населения к реформам АПК, наличия активных и творческих индивидов, выступающих субъектами преобразований в агросфере и носителями социальных, экономических и культурных традиций в сельском социуме.

Summary

The article describes the main methodological approaches to the study of innovatively-sustainable rural development: based on the theory of evolution as a set of contingent transformations and socio-territorial condition of consciousness and behavior of people living in rural areas.